

Послания В.А. Жуковского: поэтика жанра

Жанр послания еще в античности определяется как типологически близкий элегическому. Послание, на наш взгляд, соприкасается с такими древними жанрами, как надгробная надпись, эпитафия, эпиграмма. Важная структурная особенность послания - обращение к отсутствующему - восходит к архетипу – вызыванию тени из небытия. Послания Жуковского условно разделяются на три группы: а) элегические послания; б) шуточные послания, восходящие к «арзамасскому наречию» и поэтически осваивающие предметный мир как одну из жизненных важных для литературы сфер; в) послания-манифесты. Подобная классификация основана на выделении «материи стиха» и функционировании содержания.

Послания элегического типа имеют стержень – воспоминание, которое, однако, иначе оформляется, чем в элегии. В элегиях воспоминание – тема, мотив и структурный принцип. Так, например, «К Филалету» (1808), организовано по принципу музыкальной фуги, в основе которой лежит многократное проведение одной и той же темы во всех голосах. Душа поэта пребывает в смене полярных состояний: очарования и разочарования. Поэтому внешний мир предстает в облики, которое оценивается двузначно: явления и стихии природного бытия ценны сами по себе, но они же являются предвестниками смерти. Метафорика цветения-увядания уподобляет развитие микросюжета природному циклу; в этой параллели – ключ к образному строю послания. Финал – сознание невозможности сна наяву, а значит, и возврата очарования. Послание «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813) более тесно сохраняет связь с погребальной обрядностью (присущей элегии), что и отражено в примечании автора, предпосланном читателю. Мотив оглядки превращается в структурный принцип. Сохраняя признаки погребальной обрядности (похвала умершему, скорбь о нем, рассказ о его жизни, заклинание природы, гадание о судьбе), послание, рисуя переживание человека у рубежа, обнажает признаки жанра утешения – в примирении с судьбой и возвышении над ней. 178].

Послания-манифесты отражают попытку Жуковского преодолеть противоречие мертвого слова и живого чувства. Человеческое слово для Жуковского - *«духовное тело мысли, вместе с мыслью в минуту её рождения создающееся в душе нашей, и слово - материальная одежда этого духовного тела, звук, его выражающий»*. Слово, закрепленное, на бумаге, - знак застывшего изображения, остановленного мига, смерти души. Связанные с игровой ситуацией («Графине С.А. Самойловой», 1819; «Подробный отчет о луне. Послание к государыне императрице Марии Федоровне», 1820), послания размыкают границы жизни и литературы. Выполненные в технике бриколажа, пародируя «первоисточник» (во втором – самого себя), эти послания демонстрируют возможность возвышения

художника до природы, пребывающей в состоянии вечного творчества, который становится продолжением этой природы, отражая ее как стихийную силу жизни.

Шуточные послания осваивают бытие в ином ракурсе, чем элегические, - ракурсе смеха. Смех Жуковский понимал только в соединении с высокой моральностью, не предписывая ему функций, которые налагали на смех просветители (исправление пороков). Поэтический мир посланий подчинен законам, установленным богиней Молвой, обретшей в современной действительности облик *«старой колдуньи»*. В шуточных посланиях отражена та игровая ситуация, в которой автор как бы принимает законы этого мира, сливается с ним, начиная рассуждать в соответствии с его логикой. В «наоборотном» мире посланий полюса высокого и низкого меняются: местами: мифологические персонажи предстают в безобразном облике, отталкивающем или смешном; поэт низведен с небес, ему предписано выполнение «бытовых» функций. Подобные смещения объясняются властью беса - мифологического двойника бога, лукаво вертящего миром. Так, Смерть предстаёт в послании «К Вяземскому» (1811) в зооморфном облике - плешивого зверя с большой косой, пересекающего земной путь человека, поэт – служащим Парнаса, чин которого пока мал, он истопник, который *«не торфом, не дровами, но глупыми стихами у Граций топит печь»*.

Поэтический мир шуточных посланий - это мир, исполненный страха уподобления одноглазому Циклопу, физическая кривизна которого лишь отражение кривизны нравственной. Циклоп - воплощение зла, его персонификация, ему подобны персонажи посланий, в которых поэт замечает торжество порока. Шуточные послания демонстрируют древнюю архетипическую ситуацию - победы Одиссея над Циклопом через обман. Такой обманчивый ход представлен в посланиях: сливаясь с комическим миром, спускаясь до него, автор возвышается над ним, поражая насмешкой. В этом заключается, по Жуковскому, талант сатирика: чтобы заметить, в чём удаляется тот или другой характер, тот или другой поступок от правил и понятий истинных. «Надобно иметь ясное и полное понятие о вещах, колкое остроумие, дух наблюдательности и воображение живое» (Жуковский).

Опубликовано: Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 1998. Материалы международной научной конференции 14-16 октября 1998 г. С. 146-148.